

Илья Петрухин

Осовец Книга 3 Первая Осада

Илья Петрухин

Осовец Книга 3 Первая Осада

<https://litres.ru/73806096>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осовец, 1915 год. Крепость, которую прозвали «русским Верденом», готовится к неминуемому штурму. Молодой инженер-сапёр Кирилл Львов, недавно прибывший в гарнизон, должен за несколько дней превратить устаревшие укрепления в неприступную твердыню. Его холодный расчёт и безупречные чертежи — единственное, что может противостоять немецкой артиллерии.

В лазарете, где каждый день решается вопрос жизни и смерти, работает Ли Цзи — хирург, прошедшая через ад Порт-Артура. Её руки спасают тех, кого покалечила война, а её молчаливая выдержка становится легендой среди солдат.

Их первая встреча происходит под обстрелом. Между капитаном, строящим смертоносные «ловушки», и сестрой, чинящей искореженные тела, не вспыхивает страсть. Родается нечто иное — глубокое, молчаливое партнёрство двух профессионалов, говорящих на одном языке. Языке долга, порядка и непоказной стойкости.

Илья Петрухин

Осовец Книга 3

Первая Осада

Над Осовцом повисла та особенная, зловещая тишина, какая бывает только перед самой большой бедой. Казалось, сам воздух застыл в вязком киселе, не желая пропускать звуки. Даже птицы, эти вечные спутники человека, щебетали тревожно, сбивчиво, словно чувствуя подземный гул, не слышимый еще человеческому уху.

А потом этот гул пришел.

С запада, где серое небо сливалось с дымкой германских лесов, донесся нарастающий, похоронный вой. Через мгновение тишина, беременная ожиданием, лопнула, как перетянутая струна. Оглушительный рев разрыва сотряс основание форта. Первый снаряд упал за центральным укреплением, взметнув вверх фонтаны мерзлой земли и кирпичной крошки. Воздух, который еще секунду назад казался невесомым, превратился в упругую, бьющую по ушам волну. Земля вздрогнула, как раненый зверь.

Где-то в глубине казарм, захлебываясь собственным отчаянием, завывала сирена воздушной тревоги — слишком поздно, совсем слишком поздно. По крепости, как муравьи из разоренного гнезда, побежали люди. Кто-то, крестясь на хо-

ду, бежал в укрытия, кто-то, наоборот, выскакивал на валы, спеша к орудиям. Начинаясь ад.

В этом аду, на плацу, усыпанном битым стеклом, стоял Кирилл Львов.

Он был здесь уже не новичок. Те судорожные три дня, что крепость провела в ожидании штурма, превратили инженера-строителя в сапера, а сапера — в хищника, привыкшего слушать голос смерти. Сейчас, когда вокруг с воем рвались «чемоданы», Кирилл не чувствовал привычного ужаса. Вместо паники пришла холодная, кристальная ясность. Это чувство было похоже на тот миг, когда в темной комнате зажигают лампу: все тени разбегаются, оставляя только голые факты.

Его *разум* — нет, не душа, не сердце, а именно жесткий, механический разум — шелкнул, переключаясь на новый режим. Режим расчета.

Он не побежал укрываться. Ему было некогда бояться за себя. В ту секунду Кирилл Львов превратился в главный процессор, в мозг, который должен был спасти эту рассыпающуюся на куски твердыню.

Земля под ногами ходила ходуном, словно палуба корабля в шторм. Каждый новый разрыв подбрасывал мелкую гальку, больно секущую по голенищам сапог. Воздух, раскаленный и вонючий, смесью смрада гари, аммиака от взрывчатки и сырой крови, забивал легкие. Снаряды ложились с методичным, деморализующим постоянством: «Ба-бах!» — пау-

за в три удара сердца, «Ба-бах!» — и снова. Немцы не спешили. Они старательно, как садовники, перекапывали русскую землю.

И сквозь этот вой и грохот двигалась одна фигура — пригнутая, злая, стремительная.

Кирилл перемещался между позициями, перепрыгивая через воронки и свежие завалы. Он не кричал, он говорил. Его голос, сорванный, но отчетливый, врезался в гул канонады как нож в масло. В этом голосе не было страха. Ни одной лишней ноты.

— Расчёт номер три! — выдохнул он, хватая за ляжку пробегающего мимо унтера. Глаза офицера были белыми от ужаса, но Кирилл держал его взгляд как заклепкой. — Слушай сюда. Бегом к северному валу. Там, у третьей амбразуры, пошла трещина по кирпичу. Если её сейчас не заделать, следующий же снаряд вынесет каземат номер пять вместе со всеми, кто там сидит.

Унтер открыл было рот, чтобы сказать, что это самоубийство, что там сплошной свинец. Но Кирилл уже не слушал.

— Приоритет — заделка, — рубанул он воздух ладонью. — Мешки с землёй, доски, брёвна — всё, что найдёшь. Давай! Живо!

И люди подчинялись. Потому что в этом хаосе, когда небо рушилось на землю, а смерть свист Следующий снаряд упал точно в цель.

Кирилл как раз перебежал к южному траверзу, когда воз-

дух слева от него сжался в точку и с чудовищной силой выдохнул обратно. Ударная волна бросила его на колени, заставила легкие сплюнуться. Он поднял голову и успел увидеть то, что его сознание отказалось принять в первую секунду.

Там, где только что стоял бруствер — грубое, но надежное сложение из земли и дубовых кряжей, — теперь зияла черная, рваная рана. Часть укрепления, та самая, за которой укрывались десять человек из третьей роты, просто исчезла. Еще мгновение назад они были здесь — хмурые, усталые, живые. А теперь земля дымилась, воздух наполнился тонкой, едкой пылью, а человеческие голоса сплелись в один сплошной, нечленораздельный вопль.

Кирилл смотрел, как по дну траншеи волокут чье-то бесчувственное тело, как другой солдат, прижимая к груди окровавленную культю, пытается встать и падает. Кто-то кричал имя матери. Кто-то просто выл — низко, страшно, по-звериному.

Внутри него что-то сжалось. Там, в глубине, за броней рассудка, поднимался черный, липкий ужас — тот самый, что парализует волю и заставляет человека свернуться калачиком под первой попавшейся стеной. Кирилл почувствовал, как его руки начинают мелко дрожать, как где-то под ложечкой разрастается ледяная пустота.

Он заставил себя не смотреть на бруствер.

Он заставил себя не слышать крики.

Думай. Не чувствуй. Сейчас твой долг — думать.

Он приказал себе дышать ровно. Раз. Два. Три. Дрожь в пальцах ушла, сменившись тяжелой, свинцовой твердостью. Он снова видел цифры, схемы, углы обстрела — всё, кроме крови.

Мимо, согнувшись под тяжестью носилок, прошли двое. На них, запрокинув голову с неестественно белым лицом, лежал сапер — тот самый, что час назад помогал таскать мешки к северному валу. На боку его гимнастерки расплывалось темное, быстро растущее пятно. Глаза раненого были открыты, но они смотрели в никуда — туда, где неба уже не было, только дым и смерть.

Кирилл замер на секунду. Всего на одну.

Взгляд его скользнул вслед за носилками — туда, в глубину крепости, где над крышами казарм клубился не только черный пороховой дым, но и белесый, тяжелый пар. Туда, где стоял лазарет. Кирилл разглядел его силуэт сквозь пелену пыли — длинное, приземистое здание с красным крестом, едва заметным на сером кирпиче. Даже отсюда, с валов, доносился глухой, ровный гул — не взрывов, а человеческой боли, собранной под одной крышей.

«Там сейчас тоже ад, — подумал он. — Но иного рода».

Он вдруг представил ее там. Представил так ярко, будто видел наяву: Ли Цзи в своем белом халате, который к концу дня наверняка стал красным — от подолов до ворота, от локтей до запястий. Она двигается между столами так же точно и быстро, как он сейчас между траншеями. Она не кричит,

не мечется. Она делает. Шьет, режет, перевязывает, зажимает артерии, шепчет слова, которые не может слышать в этом гаме агонии.

«Она выдерживает».

Эта мысль ударила его сильнее, чем любой снаряд. Она не согнулась. Не сломалась. Она там, среди крови и криков, делает свое дело — держит ту линию фронта, о которой генералы забывают упоминать в сводках.

А он здесь.

Кирилл выпрямился. Позвоночник щелкнул, разгибаясь позвонок за позвонком. Плечи расправились сами собой. Усталость, страх, дрожь — всё это вдруг стало неважным, мелким, суетным. Он больше не чинил стены. Он строил щит.

— Второму расчету — ко мне! Немедленно! — его голос прозвучал так, что ближайшие солдаты вздрогнули и обернулись.

В этом крике не было истерики. В нем была сталь. Та самая, из которой выковывают победителей. Кирилл больше не думал о трещинах и заделках. Он думал о ней. Он держал оборону для нее — чтобы этот кошмар, этот железный дождь, этот ад не прорвался дальше валов, не добрался до ее столов, не обрушил на нее еще одну порцию искалеченных тел.

«Чем прочнее будут эти стены, тем меньше работы у нее», — коротко, как приказ, сформулировал он сам для себя

цель.

И стены, казалось, слышали его.

Наступило затишье. Короткое, обманчивое, звенящее.

Немецкие батареи замолчали. Артиллеристы меняли позиции, подтягивали снаряды, давали остыть стволам. Тишина опустилась на Осовец тяжелым, влажным одеялом. Она не была мирной — в ней стояли стоны. Они поднимались отовсюду: из-под завалов, из траншей, из лазарета. Тихие, тягучие, человеческие. Где-то трещали пожары — сухо и зло чавкало дерево, шипели пролитые масла, иногда взрывались мелкие боеприпасы, разбрасывая вокруг веселые, смертельные искры.

Кирилл стоял посреди этого апокалипсиса, тяжело дыша. Пот стекал по лицу, смешиваясь с сажей, оставляя на скулах черные потеки. Он смотрел туда, где в дыму угадывался лазарет, и молчал.

Стоны раненых сливались в один долгий, нескончаемый аккорд. Этот звук был страшнее канонады. Канонада обещала быструю смерть. Стоны обещали долгую боль.

Кирилл сжал челюсти так, что заныли зубы.

Держись, Ли Цзи. Держись.

Он знал, что скоро немцы начнут снова. И он будет готов. Потому что теперь у него была не только крепость за спиной. Там, за стенами лазарета, была причина держаться. ела со всех сторон, голос Львова оставался единственным,

что не дрожало. Единственным компасом в царстве полного безумия.

Грохот стих лишь на мгновение, но Кирилл знал: это ложь. Тишина была паузой между ударами — той самой, когда сердце крепости замирает перед следующим спазмом. Он сделал несколько шагов назад, к уцелевшей стене каземата, и позволил себе то, чего не разрешал уже третьи сутки.

Он прислонился спиной к нагретому кирпичу.

Голова откинулась назад, затылком касаясь шершавой кладки. Он медленно, очень медленно, провел по лицу грязной, пропахшей порохом ладонью — отер пот, сажу, мелкую каменную крошку, приставшую к щеке. Пальцы скользнули по влажному лбу, размазывая черноту, оставляя на коже грязные полосы. Он выглядел сейчас не как офицер — как шахтер, выбравшийся из-под завала.

Руки дрожали.

Он посмотрел на них с холодным любопытством, как врач на чужой симптом. Мелкая, противная дрожь — не от холода, нет. От напряжения. От того, что каждый нерв в его теле был натянут до предела, готовый лопнуть от следующего же свиста. Он ненавидел эту слабость. Но сейчас, в этой краткой передышке, он не мог ее подавить.

Кирилл полез за пазуху, достал кисет, пальцами — теми самыми, дрожащими — отмерил табаку, свернул самокрутку. Косой язык лизнул край бумаги. Спичка чиркнула о подошву сапога, вспыхнула веселым, неуместным огоньком

посреди пепла и разрухи. Он затянулся глубоко, до горечи в горле, до легкого головокружения.

Редкая слабость. Показатель нерва, который все-таки дал трещину.

Он смотрел на дым — как он поднимается вверх, смешиваясь с гарью, растворяясь в сером небе, которое уже забыло, какого цвета бывает синь. И взгляд его, помимо воли, снова и снова возвращался туда — к силуэту лазарета, едва угадывающемуся в мареве пожаров.

Он не видел ее. С такого расстояния невозможно было разглядеть даже окна. Но он знал. Знал с абсолютной, непоколебимой уверенностью, что она там. Что она сейчас перевязывает, ампутирует, уговаривает, заставляет дышать — делает всё то, чему ее учили и чему нельзя научить. Что ее лицо, сосредоточенное и спокойное, наклоняется над очередным раненым, и руки ее двигаются точно, экономно, без единого лишнего движения.

Кирилл затянулся снова.

И вдруг — как холодный душ, как удар под дых — он поймал себя на мысли, что представляет не только ее. Он представляет, что она сейчас подняла бы голову — если бы могла видеть его отсюда — и посмотрела бы на него. Не укоризненно. Не нежно. А оценивающе. С тем самым выражением профессионального ожидания, которое он научился читать в ее глазах еще в те дни, когда они работали над проектом укреплений в штабе.

Она никогда не говорила ему: «Ты должен». Она просто смотрела. И этого было достаточно.

«Одобрила бы она этот шаг? — спросил он себя вдруг, совершенно отчетливо, будто она стояла рядом и ждала ответа. — Нашла бы его достаточно продуманным?»

Он мысленно пробежался по своим распоряжениям за последние полчаса. Переброска второго расчета к северному валу — да, верно. Заделка трещины в каземате номер пять — приоритет, безусловно. Эвакуация раненых с бруствера... здесь он запнулся. Сделал ли он всё возможное? Или мог быстрее, четче, жестче?

Она бы не похвалила. Она бы молча поджала губы, если что-то было не так, — она делала так всегда, когда видела непрофессионализм. А если бы он сделал всё правильно... она бы просто кивнула. Один раз. И продолжила бы свое дело.

«Но этого кивка было бы достаточно, — понял Кирилл. — Этого одного кивка стоило бы больше, чем все генеральские ордена».

Он докурил самокрутку до самого фильтра — до того, как обожгло пальцы. Посмотрел на окурок секунду, раздумывая, не затануться ли еще раз, но табака не осталось. Он отбросил его в сторону. Маленький огонек описал дугу и погас где-то в луже, смешанной с кровью и мазутом.

Кирилл опустил взгляд на свои руки.

Дрожь прошла.

Совсем. До последней, мельчайшей судороги в кончиках пальцев. Руки лежали на отворотах шинели спокойно, твердо, как инструменты в футляре, дожидаящиеся своего часа.

Хладнокровие возвращалось. Оно не было прежним — тем, железным, выкованным одним лишь чувством долга. Нет. Теперь оно было другим. Оно было подкреплено. Глубоко. Лично. Кирилл чувствовал это всем телом — как где-то под ребрами, в самом центре, пульсирует ровный, горячий свет. Та самая мотивация, о которой не говорят в уставах. Та, что заставляет человека лезть под пули не за «за веру, царя и отечество», а за то, чтобы, когда он вернется (когда, а не если), он мог посмотреть в глаза человеку напротив и не отвести взгляд.

«Я сделаю так, чтобы тебе было чем гордиться, — подумал он, глядя в сторону лазарета. — Или не гордиться. Просто чтобы ты знала: здесь, на этих стенах, твоя работа не пропадает даром».

Он отлепился от стены. Позвоночник хрустнул, мышцы заныли, но он выпрямился во весь рост — высокий, чумазый, с горящими глазами.

Вдалеке, где-то за лесом, глухо ухнуло. Первый выстрел новой канонады. Немцы возвращались.

Кирилл поправил на поясе кобуру, одернул гимнастерку и шагнул в сторону позиций. Шаг его был тверд. Взгляд — ясен.

Он больше не ждал приказов. Он сам был приказом.

Канонада вернулась не с воем — с рыком. Словно зверь, загнанный в угол, разрывал глотку, извергая из себя огонь и сталь. Немецкие батареи, переменяв позиции, били теперь с новой, более ожесточенной силой. Снаряды ложились гуще, злее, методичнее — казалось, сам воздух превратился в сплошную стену разрывов.

Но Кирилл уже не был тем человеком, который за час до этого прислонялся к стене с дрожащими руками.

Он изменился.

Те, кто видел его сейчас, не узнали бы в этом стремительном, расчетливом офицере того, кто еще утром выглядел как смертельно уставший инженер. Теперь по траншеям перемещался механизм. Ледяной. Безупречный. Машина, которой неведомы сомнения.

Он не реагировал на повреждения — он предугадывал их.

— Третий траверс, левый угол, через семь минут ждите попадания, — бросил он на бегу саперному взводному, даже не оборачиваясь.

Тот не посмел спросить, откуда поручик знает. Он просто повел людей. И ровно через шесть минут сорок секунд снаряд упал в трех саженях от указанного места — достаточно близко, чтобы разворотить бруствер, но не достаточно, чтобы уничтожить расчет, который уже успели отвести.

Кирилл видел траектории. Он чувствовал ритм немецкой стрельбы как свое сердцебиение. Каждая серия выстрелов, каждый интервал между залпами становились для него но-

тами в чужой, враждебной симфонии — и он научился дирижировать ею.

Именно тогда, между пятым и шестым налетом, он остановил связного, спешившего с приказом от коменданта.

— Передай на левый фланг, — сказал Кирилл жестко, чеканя слова. — Выделить отделение. Укрепить тыльные подходы к лазарету. Мешками, бревнами, чем угодно. Живо.

Связной замер, хлопая глазами. До лазарета снаряды пока не долетали — батареи били по фортам, по валам, по казармам, но медицинский корпус стоял в относительной безопасности. Прямой угрозы не было. Это не было тактической необходимостью.

Но связной был солдатом, а не стратегом. Он козырнул и убежал выполнять.

Кирилл проводил его взглядом и на мгновение позволил себе то, чего не разрешал никому из подчиненных, — слабую, почти незаметную улыбку в уголке рта.

Личная забота, замаскированная под приказ, — подумал он. — Никто не догадается. Но если вдруг — если — огонь сместится, я не прощу себе, что не подстраховал.

Он не мог быть рядом с ней. Не мог взять ее за руку, не мог сказать, что всё будет хорошо. Но он мог сделать так, чтобы стены вокруг нее стали толще. И он делал.

Затишье наступило внезапно, как обрыв струны.

Немецкие пушки замолчали все разом — словно кто-то

огромный, уставший от шума, накрыл ладонью поле боя. Тишина оглушала больше, чем взрывы. В ней было слышно всё: треск пожаров, звон падающих кирпичей, тяжелое дыхание сотен людей, которые не верили, что это ненадолго.

Кирилл стоял у разбитого парапета, вглядываясь в дымную даль, когда за спиной раздались тяжелые шаги.

— Держимся, поручик?

Он узнал голос капитана Витковского, не оборачиваясь. Командир третьей роты, старый служака с сединой в усах и вечно воспаленными от бессонницы глазами. Витковский подошел, встал рядом. Лицо его было черным от сажи — только белки глаз и зубы выделялись на этом пепелище ярко, неестественно.

Кирилл медленно перевел взгляд с горизонта на силуэт лазарета. Тот стоял на своем месте — израненный, прокопченный, но живой. Там горел свет. Там двигались тени. Там продолжалась война, только без взрывов и свиста пуль.

— Держимся, — ответил он коротко, глухо. — И они там держатся.

Взгляд двух мужчин встретился. Витковский смотрел на поручика долго, внимательно — так смотрят на карту, когда ищут то, что скрыто от посторонних глаз. Он многое повидал на своем веку. Он знал этот взгляд — устремленный в одну точку, туда, где за дымом и стенами кто-то ждет. И он знал, что означает эта короткая фраза, сказанная таким тоном.

Капитан хрипло, надсадно усмехнулся — тем особенным

солдатским смехом, который рождается не из веселья, а из отрицания самой смерти.

— Ну, — сказал он, тяжело хлопая Кирилла по плечу широкой, мозолистой ладонью, — раз они держатся, то и нам сам бог велел.

Он не спросил, кто такие «они». Он понял. Война учит понимать без слов.

Капитан ушел, переваливаясь через завалы, и скрылся в дыму. Кирилл остался один. Секундная стрелка его внутреннего хронометра щелкнула, отсчитывая начало нового цикла.

Он снова ушел в работу.

Каждый укрепленный метр, каждая заделанная трещина, каждое спасенное тело — для него теперь было больше, чем просто вклад в оборону. Он не отдавал себе в этом отчета — или не хотел отдавать, — но где-то в глубине сознания, там, где мысль рождается раньше, чем успеваешь ее сформулировать, он знал:

Это сообщение ей.

Молчаливое донесение, которое не нужно писать на бумаге, не нужно отправлять с вестовым. Оно передавалось через воздух, через землю, через ту странную, необъяснимую связь, что возникает между двумя людьми, когда каждый из них делает свое дело на пределе возможностей.

«Я на своем посту. Я делаю всё так, как ты ожидаешь. Я

не подведу».

Он не ждал ответа. Он знал, что его услышат.

Солнце клонилось к закату.

Оно висело низко над горизонтом — багровое, налитое кровью, прорывающееся сквозь плотную завесу дыма редкими, больными лучами. Небо над Осовцом напоминало старую рану: черное по краям, алое в середине, с рваными краями облаков, похожих на ключья обожженной плоти.

Первый день обстрела закончился.

Крепость была изранена — искромсана снарядами, исполосована осколками, покрыта воронками, словно лицо ветерана оспой. Но она стояла. Стены, которые должны были рухнуть, держались. Люди, которые должны были сломаться, продолжали дышать.

Кирилл стоял на бруствере центрального форта, обессиленный до такой степени, что кости, казалось, превратились в свинец. Каждый мускул в теле гудел от перенапряжения. Веки тяжелели, норовили закрыться, но он не позволял себе этого — смотрел на закат, на дым, на крепость, которая выжила.

Мысли текли медленно, вязко, как смола.

Сколько? — подумал он. — *Сколько операций ей пришлось сделать сегодня?*

Десять? Двадцать? Он не знал. Он даже не мог представить, что творилось в лазарете в часы, когда снаряды рвались

на валах, а раненые прибывали потоком — с переломанными костями, разорванными артериями, с лицами, которые никогда больше не увидят мир такими, какими видели его утром.

Она там одна. Она там среди всего этого.

И она выдержала.

Кирилл вдруг почувствовал странное, почти неуместное чувство. Гордость. Не за себя — за себя он не имел права гордиться, он просто делал свою работу. Но за то, что выдержал этот день так же, как и она.

«Я не хуже, — подумал он, и в этой мысли не было тщеславия, была только констатация факта. — Я выдержал. Мы оба выдержали».

Он не знал, что скажет ей, когда увидит. Может быть, ничего. Может быть, просто посмотрит. И она поймет.

Их молчаливый диалог продолжался.

Кирилл перевел дыхание, поправил ремень на усталом плече и шагнул в сторону штаба — сдавать рапорт. Ноги несли его почти автоматически, сознание уже отключалось, переводя тело в режим экономии. Но где-то глубоко, под усталостью, под болью, под грязью и копотью, теплилось ровное, негромкое пламя.

Он не знал, что это было. Он называл это долгом.

Но это было чем-то большим.

Утро второго дня пришло без грома.

Это было настолько неестественно, что люди на позициях замирали, не веря собственным ушам. Тишина, повисшая

над Осовцом, была не мирной — она была хирургической. Такая бывает в операционной перед первым разрезом: когда скальпель уже занесен, дыхание затаено, и вся вселенная сжимается до одной точки.

Кирилл поднялся на командный пункт центрального форта затемно. Он не спал — почти не спал, склонившись над картами в прокуренной землянке, где лампы чадили керосином, а штабные офицеры переговаривались приглушенными голосами, словно боялись разбудить то, что еще дремало в серых сумерках.

Теперь он стоял у амбразуры, сжимая в руке планшет с кальками. На них, тонкими линиями, нанесенными его собственной рукой, был начерчен путь смерти.

— Донесение! — раздалось за спиной. Вестовой, мальчишка с испуганными глазами, вытянулся у порога. — Наблюдатели с южного вала: немецкая пехота разворачивается в цепи. Силы до полка. Направление — центральный форт.

Кирилл не обернулся. Только кивнул — коротко, как зарубка на совести.

Началось.

Он чувствовал это всей кожей. Та особая, звериная дрожь, которая пробегает по позвоночнику перед схваткой, когда воздух становится густым от адреналина. Но он подавил ее, как подавлял всё остальное. Его война не будет вестись штыком и прикладом. Его война происходит здесь — на картах, в цифрах, в расчетах.

Пальцы его легли на схемы.

Он водил по ним кончиками, беззвучно шевеля губами, сверяя расстояния, углы, зоны поражения. Каждый квадрат земли перед крепостью был ему знаком, как собственная ладонь. Он знал, где земляные воронки способны укрыть цепь, а где открытое пространство станет мясорубкой. Он знал, какие участки минными полями прикроют себя сами, а какие нуждаются в постоянном ружейном обстреле.

Первая линия — за сто двадцать саженей от рва. Вторая — за семьдесят. Третья — вплотную к гласису.

Он перевернул лист, сверяясь с нумерацией фугасов.

За спиной зазвенел полевой телефон. Голос в трубке звучал резко, отрывисто. Кто-то докладывал о движении резервов. Кто-то требовал подкреплений. Кто-то молился.

Кирилл не слушал. Он видел.

И тогда грянули горны.

Звук был древним — нечеловеческим, леденящим. Он шел с той стороны, где в утреннем тумане колыхались серо-зеленые волны немецкой пехоты. Рёв десятков медных труб разорвал тишину, как нож рвет холст. Это был сигнал, от которого у ветеранов сводило скулы, а новобранцы крестились и плевали через левое плечо.

— Идут! — закричали на валах. — Идут, суки!

Кирилл поднял глаза от карты.

С наблюдательного пункта ему было видно всё. Как из ту-

мана, как из преисподней, рождались цепи. Они выползали из-за бугров, из-за перелесков — серые, плотные, неумолимые. Солдаты шли ровными рядами, с винтовками наперевес, с примкнутыми штыками, поблескивающими в утреннем свете. Шли, как на парад. Шли, как на смерть.

Им навстречу, со стен крепости, ударили залпы.

Сначала это был одинокий выстрел — кто-то не выдержал, спустил курок раньше команды. Потом другой. Третий. И вот уже вся линия обороны превратилась в огнедышащий вал. Ружейные залпы гремели так часто, что отдельные выстрелы сливались в сплошной, протяжный гул.

Началась симфония.

Кирилл замер. Он не шевелился, не дышал, только слушал. Его лицо превратилось в маску — нечеловеческой, почти самурайской концентрации. Глаза, сузившись, бегали по горизонту, фиксируя каждый взрыв, каждую вспышку, каждое движение серых фигур.

Триста метров до первого поля, — щелкнуло в голове. — Двести пятьдесят. Двести.

Он знал этот участок. Он сам проектировал здесь минные заграждения. Каждый фугас, каждая шрапнельная мина были заложены его расчетами, выверены до вершка. Саперы ругались, когда он заставлял их перекапывать уже готовые участки — "Ваше благородие, да куда ж еще глубже?!" — но он был непреклонен.

И сейчас, глядя, как атакующие цепи приближаются к

невидимой черте, он понял: час расплаты настал.

Первый взрыв разорвал утро.

Он был не таким, как артиллерийские — тот был глубже, плотнее, страшнее. Земля под ногами атакующих вздыбилась, выплюнув вверх тонны грунта, обломков, камней и человеческих тел. Столб черного дыма взметнулся к небу, и в этом дыму кружились и падали осколки — рваные, горячие, жаждущие.

Второй взрыв грянул через три секунды. Третий — через две.

Кирилл считал.

Сектор А — сработал. Сектор Б — запаздывание, следующий детонатор в очереди. Сектор В — осечка, надо проверить цепь.

Он не думал о том, что там, в дыму и огне, кричат люди. Он не позволял себе представлять, как сталь вонзается в тела, как земля поглощает живых, как мать теряет сына, а жена — мужа. Это была не его война. Его войной были цифры.

Попадание — девяносто три процента. Эффективность — выше расчетной на семь процентов. Поздравляю, Львов, твои ловушки работают.

Но где-то глубоко, там, куда он запретил себе заглядывать, что-то екнуло.

Земля вздымалась под ногами атакующих раз за разом. Мины рвались не хаотично — они выстраивались в замысловатый, жестокий узор. Ковер смерти, сотканный его рука-

ми. Немецкие цепи ломались, солдаты разбежались, натыкались на новые фугасы, падали, вставали, снова падали.

Кирилл стоял у амбразуры, вцепившись в планшет, и слушал эту адскую симфонию. Он не молился. Не проклинал. Он просто делал свою работу.

А где-то там, за стенами форта, за дымом и кровью, за этим чудовищным концертом из взрывов и криков, была она. Ли Цзи. И она делала свою.

Держись, — подумал он, хотя не знал, кому адресована эта мысль — ей, себе или тем, кто сейчас бежал по его минам. — *Просто держись*.

Первая волна разбилась о невидимую стену за тридцать саженей до рва.

Кирилл наблюдал за этим с холодным, почти отстраненным спокойствием. С высоты командного пункта было видно всё — как серые цепи, еще минуту назад такие стройные и грозные, вдруг ломаются, распадаются на отдельные фигурки, мечутся, падают, встают и снова падают. Каждый новый взрыв подбрасывал в воздух чьи-то тела, каски, винтовки — все это кружилось в дыму, как в чудовищном хороводе.

Крики доносились даже сюда, сквозь грохот разрывов. Немецкие — «Sanitäter! Sanitäter!», русские — «Братцы, отходи!», и просто сплошной, нечленораздельный вой раненых лошадей и людей, смешанных в одну кровавую кашу на подступах к крепости.

Кирилл смотрел и не отводил взгляда.

Он не испытывал торжества. Не было в нем той животной радости, которую он видел на лицах солдат, когда те кричали «Ура!» и стреляли вслед убегающему врагу. Внутри него жило другое чувство — странное, неудобное, почти неуместное в этом аду.

Ледяное удовлетворение инженера.

Расчет подтвердился, — подумал он, глядя, как очередной фугас взмывает в воздух еще троих. — Плотность поражения — в пределах допуска. Время детонации — по графику.

Он чувствовал это так же отчетливо, как хирург чувствует под скальпелем рассекаемую ткань — без радости, без ужаса, с одной лишь профессиональной, почти механической точностью.

Его чертежи убивали. Его чертежи работали.

Мысль эта была гнетущей. Она давила на плечи тяжелым, свинцовым грузом, который нельзя было сбросить. Он знал, что сегодня вечером, когда адреналин уйдет и руки перестанут дрожать от усталости, он будет сидеть в темноте и смотреть на эти самые руки — руки, начертившие линии, по которым сейчас текла чужая кровь.

Но это было необходимо.

Он напомнил себе об этом. Снова и снова. *Необходимо. Если не они, то мы. Если не здесь, то там, где спят наши жены и дети. Выбора нет.*

Он сжал планшет так, что хрустнули пальцы, и перевел

взгляд на правый фланг.

Вторая волна пришла не с фронта — она обрушилась на правый фланг, туда, где не было минных полей.

Там была другая защита.

Кирилл увидел, как из-за бугра выкатываются новые цепи — свежие, не потрепанные первой атакой. Они шли быстро, почти бегом, пригибаясь к земле, используя каждую складку местности. Офицеры с револьверами в руках подгоняли солдат, указывая на крепость, на стены, которые казались такими близкими.

Но между ними и этими стенами была полоса в семьдесят саженей.

И вся она, по проекту Кирилла, была опутана колючей проволокой.

Не просто набросана кое-как — нет. Это были правильные, продуманные линии. «Ёжики» — как их называли солдаты — ставились в шахматном порядке, с перехлестом, с дополнительными рядами там, где рельеф позволял укрыться от огня. Перед ними была полоса рогаток, за ними — спирали Бруно, которые невозможно было перерезать без специальных кусачек.

Кирилл сам объезжал эту полосу верхом за день до обстрела, проверяя каждый кол, каждый виток колючки.

Теперь он видел, как это работает.

Первые немецкие солдаты добежали до проволоки, по-

вскакивали на нее — и замерли. Кто-то пытался перелезть, цепляясь шинелью за острия, кто-то рвался вперед, путая ряды, натываясь на следующие линии. Через минуту вся полоса превратилась в сплошное серое месиво — люди застревали, путались, падали, поднимались и снова падали, нанизанные на колючку как бабочки на булавки.

А со стен, с валов, из каждой амбразуры по ним били стрелки.

Кирилл видел, как русские солдаты — вчерашние крестьяне, рабочие, конторщики — спокойно, деловито прицеливались и нажимали на спуск. Один выстрел — одна фигурка переставала шевелиться. Второй — вторая. Они работали как мясники на бойне — без злобы, без страсти, с одним лишь тупым, изнурительным постоянством.

Легкие мишени, — подумал Кирилл. — Связанные, беспомощные. Это не война. Это расстрел.

Он отвернулся от амбразуры.

В дверях командного пункта возник связной. Гимнастерка на нем была разорвана, лицо в копоти, но глаза горели тем особенным, безумным огнем, который зажигается у людей в бою — смесь страха, восторга и облегчения от того, что ты еще жив.

— Господин поручик! — выпалил он, с трудом переводя дыхание. — От капитана Витковского!

Кирилл поднял голову.

— Слушаю.

Солдат вдруг улыбнулся — широко, по-мальчишески, сверкая белыми зубами на чумазом лице.

— Ваши «ёжики», господин поручик... — Он запнулся, подбирая слова. — Они работают! Как есть работают! Капитан велел передать — они там как мухи в паутине! Ни туда ни сюда! А наши их... — он сделал выразительный жест, изображая выстрел. — В общем, капитан сказали — лучшего подарка к завтраку и желать нельзя!

В голосе связного было неподдельное, почти детское восхищение. Он смотрел на Кирилла как на чародея — человека, который чертит на бумаге какие-то линии, а потом эти линии убивают врагов.

Кирилл не нашелся, что ответить.

— Передайте капитану... — начал он и замолчал.

Что передавать? Что он рад, что его «ёжики» оправдали ожидания? Что он гордится тем, что десятки людей запутались в его проволоке и были расстреляны, как в тире? Что он, инженер, строитель, человек, который всю жизнь создавал, а не разрушал, теперь получает доклады об эффективности своих убийственных конструкций?

Он просто кивнул.

— Передайте, что я слышал. И пусть капитан бережет людей. Вторая волна может быть не последней.

Связной козырнул и исчез так же внезапно, как появился. Кирилл остался стоять посреди командного пункта, сжи-

мая в руках планшет, который вдруг показался ему тяжелым, как чугунная плита.

Штурм отбили через три часа.

Немецкие цепи откатились на исходные позиции, оставив перед укреплениями десятки тел. Они лежали везде — на минном поле, изрытом воронками и усеянном осколками; на колючей проволоке, где серо-зеленые фигуры застыли в неестественных, кукольных позах; в низинах, куда они отползали, волоча за собой раздробленные ноги.

С крепости доносились редкие, одиночные выстрелы — кто-то из стрелков добивал раненых. Это был не жестокость — это было милосердие, страшное, извращенное милосердие войны, когда пуля становится избавлением от долгой, мучительной агонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.